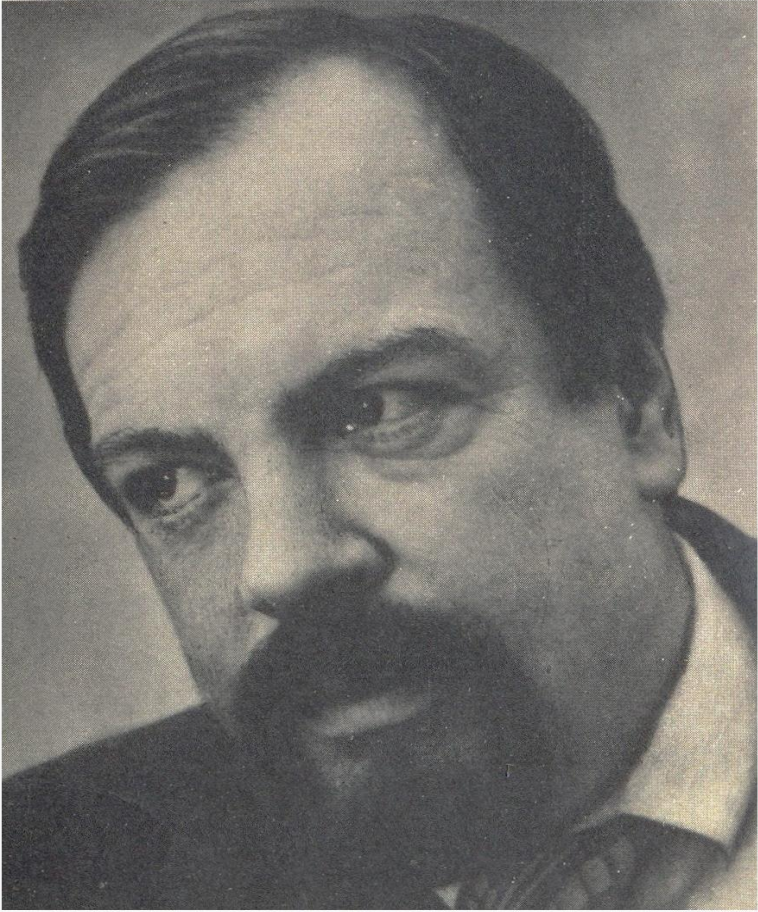

Григорий БЫЧКОВ

НА ЗЕМЛЕ
ПОБЕЖДАЕТ
ЛЮБОВЬ

Григорий БЫЧКОВ

**НА ЗЕМЛЕ
ПОБЕЖДАЕТ
ЛЮБОВЬ**

Стихи

ОДЕСА
«МАЯК» — АСОЦІАЦІЯ «БРИГАНТИНА»
1992

ББК 84Р7
Б67

Есть в мире притяжение сердец:
Любовь — мерило силы притяженья!
К степной полыни тянется чебрец,
Душа — к душе, мгновение — к мгновенью—

в этих строках заложен творческий диапазон первого сборника поэта, который воспевает родной край, любовь к матери, любимой женщине, отображает судьбоносные приметы нашего времени.

Есть в мире притяжение сердец:
Любовь — мерило силы притяженья!
К степной полыни тянется чебрец,
Душа — к душе, мгновение—к мгновенью—

у цих рядках закладено творчий діапазон першої збірки поета, який оспівує рідний край, любов до матері, коханої, відображає доленосні прикмети нашого часу.

Художник *Н. В. Никонова*

Б $\frac{4702010202-037}{217-92}$ БЗ 33.30.92.

ISBN 5-7760-0483-7

© Г. М. Бичков, 1992
© Н. В. Никонова, художник-оформлювач, 1992

ПРИТЯЖЕНИЕ

Есть в мире притяжение Земли,
Есть притяжение звезды и дома,
Лесов июльских сладкая истома
И сел, затерянных в степной дали.

Есть в мире притяжение сердец...
Любовь — мерило силы притяженья!
К степной поляни тянется чебрец,
К душе — душа,
 к мгновению — мгновенье.

ЛЕСНОЙ МЕМОРИАЛ

У ног моих бурлит речное устье.
Спокоен лишь Березовый Затон.
Желтеет, как винтовочный патрон,
Ромашка среди трав,
 укрывших старый бруствер.

Такая тишина стоит окрест...
Лишь клен скрипит протяжно над
 обрывом.
И лес израненный несет свой тяжкий
 крест —
Расчерченный неотвратимым взрывом...

Не оторвать от бруствера лица,
Волненье сердца мне не успокоить.
Шумят на шрамах просек деревца,
Посаженные местным «Зеленстроем».

Река у ног вскипает и бурлит.
На бруствере ромашки полевые...
И в скорби замерли среди могил живые,
Им боль сердца, как прежде, бередит...

* * *

Натянут лук...Звонящая стрела
Летит навстречу стройной гибкой лани...
Мне это все поведал старый камень,
Тот, над которым вечность проплыла.

В пещере старой нет давно золы,
Угас огонь далеких наших предков,
Лишь наконечник каменной стрелы
Нацелен в сердце стройной лани метко.

Далекий предок, отложив свой лук,
В костер подбросив ветви дикой вишни,
Замкнул души непредсказанный круг,
Изобразив мечту и правду жизни.

ЯСТРЕБЕНОК

Он израненным пал с высоты —
В ежевику,
Разрывая ее кусты
Птичьим криком...

Бушевала, гремела гроза —
На просторе.
И кричало в его глазах
Птичье горе...

До весны я дома держал
Ястребенка.
Небосвод в его взгляде дрожал
Льдинкой тонкой...

По весне вынес клетку:— «Ну что ж...»
Настежь дверцы!
Мне в ладони ударила дрожь
Ястребиного сердца.

* * *

Взметнула стройка к синеве небес
Сооружений каменные блоки.
В прибугском поле, вольном и широком,
Я подсмотрел рождение АЭС...

Подслушал я сердец веселый стук
И юности высокие мечты.
Я ощутил тепло рабочих рук.
И радость покоренной высоты.

Все так и раньше было, все точь-в-точь.
Фанфар не слышно больше? Эка жалость!
Ведь то, что до сих пор не превозмочь,
Вот так же и в Чернобыле рождалось...

* * *

Как журавлинно кричали ветры
 над синей Ворсклой.
Тихо кружились желтые листья
 в сизых туманах.
А мне казалось, что ветки кленов —
 чистого воска,
А мне шептали старые вербы:
 «Наш бесталанный...
К земле холодной прижмись
 щекою своей горячей.
В час предрассветный никто не сможет
 увидеть слезы,
Никто не сможет судьбу
 и жизнь переиначить»,—
Шептали тихо, совсем чуть слышно,
 мои березы.
Но не нужна мне судьба другая,
 вы мне поверьте,
Лишь бы почаще в край свой любимый
 я возвращался.
Да чтобы письма,
 грустные письма в желтых конвертах,
Слали мне вербы, старые вербы,
 слали на счастье.

МАТЕРИ

Поезд жизни все дальше увозит меня,
И все реже стоянка у отчего дома.
Обижается бабка, вся наша семья,
И твоя лишь обида мне, мать, не знакома.
Счастье в дом наш придет —

ты довольна вдвойне,
Наше горе своим называешь упрямо.
Отдала все, что было, ты лучшее мне,
Не жалея ни лет, ни себя, моя мама.
Молоком на заре пахнут руки твои,
Свежим хлебом, и травами майского луга!
Нам, как прежде, в калине поют соловьи,
И без слов мы с тобой
понимаем друг друга.

* * *

Тебя, порой, не спрашивая, жизнь
Так повернет навстречу неудачам,
Переломает все, переиначит,—
Лишь успевай, за голову держись!

Но чем трудней ты выберешь подъем,
Тем восхождение радостнее будет.
И с каждым днем ты будешь ближе к
людым,
И сам к себе все ближе с каждым днем.

Когда я думаю о Родине своей,
То вижу клен, что за окном, и поле,
Осенних нив печальное раздолье
И покидающих Отчизну журавлей...

Я вижу домики полтавского села,
Мать у плиты, возящуюся с тестом.
Тропинку ту, что к Ворскле пролегла,
И лес, пропахший осенью и детством.

Я вижу: бабка с голубым ведром
Идет доить мычащую корову.
И деда, что нахмурил грозно брови,
Хотя глаза наполнены добром...

Его бурчанье: «Ах, ты чертов сын!
Опять запрятал где-то мою люльку!»—
Я слышу. Слышу как тревожно, гулко
Гуляет эхо средь нагих осин.

Вздыхает дед: «Опять неурожай,
Гроза сегодня ночью — в октябре-то,
Как будто кто-то проклял этот край—
Того и жди засушливое лето...

Колодец нынче рыли мужики.
За тридцать метров воду не достали.»
Садится дед, сутулится устало
И грустно смотрит вдаль из-под руки.

Когда я думаю о Родине своей,
То вижу клен, что за окном, и поле,
Весенних нив прекрасное раздолье
И возвращающихся к гнездам журавлей.

НА КИНБУРНСКОЙ КОСЕ

Оскудела Земля —
Белоснежная соль
Выступает,
Как горькая доля...
О, Земля,
Вся твоя вековечная боль
В этом древнем
Измученном поле.
Где шумели хлеба —
Там сейчас камыши,
В перепельих гнездовьях —
Лягушки...
Запустенье и тишь
И вокруг ни души,
Только где-то
Кукует кукушка...
Непонятно кому
Предвещает года —
Побросали дома свои люди...
Те, кому вещевала,
Живут в городах —
Городские,
Крестьяне по сути.
Те, кому вещевала,
Живут в городах —
Кукушатами
В гнездах жар-птицы...
А над дедовским полем
Витает беда,
Пролетают мгновения,
Дни и года,
И земля им уж больше
Не снится.

* * *

Пшеничный дозревает колос
На склоне дня.
Родной земли, я слышу, голос
Зовет меня.

Ведет росистой тропюю
Через поля.
Грущу и радуюсь с тобою,
Моя земля.

Последней радугой осенней
Подсвечен луг.
Река мне дарит откровенье,
Как старый друг.

* * *

*Моей первой учительнице
Манько О. Ф.*

Где же вы, мои друзья —
Детских игр, забав далеких?
Вновь над Ворсклою заря
В нежной утра поволоке...

Кто есть кто,
И кто есть я?
Все ль сбилось, о чем мечтали?
Затуманенные дали, Зачепиловка моя.

Загрустивший школьный двор.
Незнакомо все до боли —
Незасеянное поле,
Повалившийся забор...

Я прижмусь челом к стеклу
И пошлится мне снова:
«Дети, — вы противьтесь злу,
Лишь добро — всему основа...»

Где же вы, мои друзья —
Детских игр, забав далеких?
Видно, нас учили зря —
Нет села — снесла жестокость...

Нет друзей —
И нет меня,
Мы до срока поседели
У погасшего огня,
У сгоревшей колыбели.

* * *

Погоны, звезды, гимнастерка...
Кружилась голова.
Кричали гости: «Горько, горько!»
Привычные слова...
Кричали мы, цветы дарили,
Желали счастья в дом,
Шумели, ели, водку пили
За свадебным столом.
Ушли друзья, вдвоем остались.
Сказал он тихо ей:
«Мы завтра уезжаем, Аля,
В Сибирь, за Енисей».
Глядя в окно, она молчала.
Он верил и любил...
И месяц птицею печали
Сквозь мглу ночную плыл.
Погоны, звезды, гимнастерка..
Кружилась голова.
Кричала ночь им: «Ах, как горько!»
Обидные слова...

* * *

Кустов, дремавших тихо у плетня,
Весна коснулась легкокрылой тенью.
И вспыхнул мир цветением сирени,
Теплу и солнцу преданность храня.

И кажется, что не было метелей,
Что мир всегда был полон майских
гроз.

А если что-то было в мире белым,
То разве серебро родных берез.

* * *

На земле побеждает любовь.
Гибнет ненависть в солнечном свете...
И земная могучая кровь
Наполняет упругостью ветви.

...Сколько радости и перемен
На земле моей нежной, весенней!
Солнце вновь, как горячий мартен,
Сыплет искры под ноги Вселенной.

* * *

Раскат за раскатом —
Гуляют грома...
Под ливнем крылатым
И лес, и дома.

Здесь в отблесках молний
Березы белей.
И тихое: «Помню»
Твое мне милей.

И мокрые вязы,
И тяжесть косы...
Я болью обязан
Причудам грозы.

* * *

Звенит ноябрь листвою истово,
Летит, как златогривый конь.
Средь блеклых трав, холодной искрою,—
Последней ягоды огонь.

Алеет каплей крови, сочная,
Не тронут изморозью бок,
И жизнь ее недолгосрочную
Веселый гасит ветерок.

Звенит ноябрь над Бугом листьями,
Летит, как златогривый конь...
И губы обжигает истово
Последней ягоды огонь.

НА ДРЕВЛЯНСКОМ ДВОРЕ

Поднимусь на заре.
На древлянском дворе
Травы в чистых
Предутренних росах.
За рекой —
На Алехинской
Белой Горе,
Косари на весенних
Покосах.
Из кувшина
Парного напьюсь
Молока.
И косу отклепаю
У хаты,
И пойду на луга,
Где играет река,—
И столетние
Липы-крылаты.
Буду долго косить,
Чтобы славно носить
Честь древлянского
Старого рода.
Ну, а коль что забыл,
То могу и спросить
У знакомого
С детства народа.
Возвращусь в старый дом
На вечерней заре,
Говорю с земляками
У хаты
О жнивье, о хлебах,
О древлянском дворе,
Пред которым
В долгу неоплатном.

ЗОВ ГНЕЗДА

Плывут ключи над южными морями,
Но птицам чужд небес заморских лик...
Они летят туда, где за горами
В прохладе белых рощ поет родник.

Летят под тайным знаком Козерога,
Над лунным ситцем дремлющих лугов
На зов земли, родимого порога,
Взрастивших их ингульских берегов.

Подлунный мир сквозь полночь освещая,
Проходит круг далекая звезда.
Из дальних стран, весною возвращаясь,
Плывут ключи на тихий зов гнезда...

СЕЙНЕР

Здесь небосвод глубок,
Закат, как сгусток серный,
И алостью восток
Наш заливают сейнер...

Здесь ночи коротки,
Пронизывает ветер.
Плывут из-под руки
Капроновые сети.

А шторм не раз качал,
Волною бил упругой,
Едва я различал
В соленых брызгах друга.

Но чувствовал плечо
И руки его рядом,
Шептал он горячо:
«Держись, браток, так надо!»

И так день ото дня,
С восхода до заката,
Учила жизнь меня,
Как армия солдата.

ВЕСНА

Прижмусь к акации щекой
И кажется, что слышу,
Как над весеннею рекой
Земля апрелем дышит.

И, может, не было бы строк,
Родившихся с рассветом,
Но каждый тоненький росток
Земным пронизан светом.

ЗОРЕВЫЕ ПОЛЯНЫ

Зоревые поляны,
Утра тонкая нить.
Путь синеющий санный.
Колокольчик звенит.

Неба зимнего проседь
У изгиба реки.
Ярче линии просек —
Валят лес земляки.

Старый лес и валежник
Я на сани грузу.
И, как в детстве, прилежно,
На опушку вожу.

Разгружу — и обратно
Подгоняю коня.
...Снова в детство бесплатно
Он увозит меня.

СОН

Над Ворсклой вербы,
Какие вербы!
А я здесь не был...
Давно так не был!
Я возвратился,
Я их коснулся,
И вдруг проснулся,
С болью проснулся...

* * *

Пропахло старое село
Вином и хлебом.
Средь скошенных полей светло
Под звездным небом.

Распаханы уже поля,
Леса в багрянце...
И кажется, что вся земля
В осеннем танце.

И не поймешь, то ль грустен он,
То ли веселый...
Сентябрьских свадеб перезвон
В прибугских селах!

* * *

Повисли дождевые капли
На иглах сосен вековых.
И солнца луч как-будто вкраплен
В цветы ромашек полевых.

Ничуть о прошлом не жалея,
Осины шепчутся в саду...
Средь медуницы и шалфея
Тропою росною иду.

Повисли дождевые капли...
Березы мокрые стоят.
И я в тебя навеки вкраплен,
Земля любимая моя!

ПОЛЕ ЛЮБВИ

Терновником поросший луг,
А здесь когда-то было поле.
Меня вдруг захлестнуло болью...
Коня запряг я в старый плуг.

И, в сердце преданность храня
Заветам пращуров своих,
Я громко подгонял коня,
Подбадривая нас двоих...

Я пашню потом поливал,
Уже закат алел, как кровь...
Я в этом поле засевал
Не рожь, а нежность и любовь.

* * *

Где-то за полустанком спит моя деревушка,
Напрямик, через топи, рукою подать,
Но в Березовой Пади кукует кукушка:
«То, что было, прошло, не вернуть,
не догнать».

Я и сам понимаю,— мудрая птица,
От судьбы нам с тобой никуда не уйти,
Мне бы только взглянуть на знакомые
лица,
Мимо окон родных на рассвете пройти.

Ну, а дальше? А дальше?
Ну что ты кукуешь!
Я и так спотыкаюсь на знакомой тропе...
«Так зачем же ты землю эту целуешь?»
Что ты, глупая, что ты — показалось тебе...

* * *

Сентябрь рябиною горит.
Смолою лес пропах сосновый.
И край лесной со мною снова
О чем-то тихо говорит.

Вздыхает на опушке дуб.
Осины шепчутся устало.
Лица коснулся лист опалый,
Как поцелуй холодных губ.

В багровом лоскуте листа —
Такая мука увяданья!..
Он золотой, грошовой данью
К ногам ложится неспроста...

Да, пробил час: пора платить
За щедрость солнечного лета..
И даже паутинки нить
Уже полна другого света.

НА ПРОПОЛКУ

Окраина мелькнула городская.
Сверкнул подковкой серебристый Буг.
Остался за Ингулом Николаев.
И вот автобус вырулил на луг.

Девчонки песню запевают лихо.
Мотивы разудалы — хоть куда...
Но вдруг крестьянка так запела тихо
Ту песню, что пришла к нам сквозь года:
«Гей, на горі та й женці жнуть...»

И было столько чистоты и боли
В напеве том, прошедшем сквозь века,
И нам казалось: тополя и поле
Поют, и подпевают облака...

Молчали мы, не перебив ни разу.
Она же песней за собой вела,
Девчонок городских — из нефтебазы —
И девушек прибужского села.

* * *

Слушаю дыхание земли.
За межей, пыля, проходит стадо.
За плетеной ивовой оградой
Утром серебрятся ковыли.

Говорит на птичьем языке
Дочь, вчера исполнилось два года...
Стрекоза на тоненькой руке
Предвещает ясную погоду.

Слушаю дыхание земли.
Клен вздыхает на опушке древний...
Только почему же так болит
Боль твоя во мне, моя деревня?

Боль твоя — заброшенность лугов,
Огород не вскопанный у дома,
Оползни ворсклянских берегов
И лесов изрубленных истома...

Слушаю дыхание земли.
За межей пыля проходит стадо.
Там, где рожь шумела, — ковыли:
За ошибки страшная награда...

* * *

Было все — скажу вам не тая:
Радости, удачи и невзгоды.
Сорок — оттрубили громко годы.
Господи! Неужто это я?

Лишь вчера по лугу босиком
Я гонял потертый мяч футбольный.
Ноги в кровь... Но не было мне больно,
С болью познакомился потом...

Все пришло, конечно же, не вдруг
Бабка померла, позднее отчим.
Но не замыкался боли круг —
В этом убедился я воочию.

Вырублен знакомый с детства лес,
Реки и озера обмелели.
От земли и до глубин небес
Здесь гуляют белые метели.

А в июле страшная жара,
Луг знакомый, как сплошная рана...
Говорить, что все погибло — рано,
А что завтра сгинет все — пора...

* * *

Я снова возвращался в край лесной
Под тихий шум глухого листопада.
Совсем один... Тебя давно нет рядом,
Ни осенью, ни раннею весной...

Кивали грустно мне вослед кусты
Багрянцем полыхающей калины.
Звенела осень песней лебединой,
А мне казалось — это пела ты...

ОЖИДАНИЕ

Снова ветер стонет
Среди рощ дремучих,
Звезды словно тонут
В зимних черных тучах.
Молодым подранком
Плачет в поле вьюга.
Ледяные санки
Мчит январь по кругу.
Всхлипывает в поле
Старая осина...
Мать с тоской и болью
Ожидает сына.
Ожидает, верит,—
Он придет, вернется.
Скрипнет старой дверью,
Тихо улыбнется.
И как в детстве, нежно,
Зацелует руки.
Но в просторах снежных
Только вьюги звуки...

* * *

Жене Ларисе

Мне цыганка гадала:
«Мир подвластен весне...»
Что-то тихо шептала
О твоей седине...

Ах, цыганка, смешная,
То, что ведомо мне,
Неподвластно гаданью,
Ни тебе, ни весне...

Ничему не подвластно —
Даже чарам твоим!
Смотришь ты понапрасну
На ладони мои..

Будут весны и зимы.
Выйдет солнце в зенит.
Если сердце любимой
Свято верность хранит.

...Мне цыганка гадала:
«Мир подвластен весне...»
Что-то тихо шептала
О моей седине...

ПРОПАВШЕЕ СЕЛО

От памяти мне никуда не деться —
Березы у окна, высокий тын...
Там тоненькая девочка из детства,
Протягивает мне с водой кувшин.

Я жадно пью, потресканные губы
Спасает родниковая вода
Я свято верю, что теперь не сгубит
Меня болезнь лихая никогда...

Она склонилась у моей постели:
«Идем во двор, уже прошла гроза...»
Я помню, как-то сразу потеплели
Ее зеленоватые глаза...

Я, двадцать лет спустя, стою у тына,
Старинный двор весь спорышом зарос...
Но дома нет, и девочки с кувшином
Не видно среди заброшенных берез...

Да что там дома! Нет и села, пропало...
На карте есть, а в жизни, видишь, нет...
И понял я, чего не доставало,
Не доставало двадцать с лишним лет!

Так где же смычка города с деревней?
С землей сравнялось старое село...
И я, к земле, как мир извечно древней
Припал своим пылающим челом.

От памяти мне никуда не деться —
Пропавшее село, истлевший тын...
Там тоненькая девочка из детства
К губам моим не поднесет кувшин.

* * *

На Алехинской
Белой Горе
Я любил наблюдать,
как солнце
Ясный лик свой
прячет за лесом.
И казалось,
гора лесная,
В предвкушенье
прохлады ночи,
Под ногами
моими вздыхает.
Было так
в далеком детстве...
Позже, в юности,
с нежной, милой
Я мечтал на горе
высокой
О грядущем,
что светлым казалось,
Словно лик
восходящего солнца...
Было ясно все
и понятно,
Жизнь казалась
светлой и долгой...
Много лет
с той поры минуло.
Я вернулся к знакомым тропкам.
Сам взошел
на Белую Гору.
Только Солнце
не восходило...

Над горою пылали звезды.
Я прислушался —
ночь молчала.
Стрекотал лишь
в траве кузнечик.

* * *

Мне снится сон,
Что продается
Совесьть —
Такая вот
Реальнейшая
Повесть,
Что рвут от
Совести
Безудержно
Хапуги,
И ходит совесть
Рваная
По кругу...
О господи,
Скорее бы
Проснуться
И кругу черному
Не дать
Сомкнуться...

* * *

Мы с тобою шагали не раз
По тюменским гнилым болотам.
Мошкара — не раскроешь глаз,
Но работа — она ведь работа.

Нам лицо обжигали ветра,
Нас морозили вьюжные зимы.
Ну, а вечером, у костра,
Вспоминали мы дом родимый.

Я — о том, как прекрасен Буг,
Ты — как ласково Черное море.
Там звучало искренне: «друг»,
Были общими радость и горе.

Под ветрами скрипят крепежи,
Вышки, словно стальные ракеты...
Догорает тюменское лето.
Каплей крови морошка дрожит...

Мы с тобою шагали не раз
По тюменским гнилым болотам,
На которых сдружила нас —
Не романтика, а работа...

* * *

На ветвях сосен иней хрупкий.
Гудят простуженно боры.
Я подсмотрел весны зарубки
В оттенках липовой коры.

Уже кольшутся туманы,
Гудят под ветром провода,
И в оттисках дороги санной
Рокочет талая вода.

Брожу равниной потемневшей —
Ни птиц, ни запахов лесных.
Весь мир — как-будто онемевший
В предощущении весны.

* * *

Дней и ночей моих
 быстро проносится конница
И уносит меня в мир с печальным
 названием — старость.
Для меня этот мир еще, верьте, —
 terra incognita,
Но, рожденная им, уж ложится
 на плечи усталость.

ВСТРЕЧА

Как эта женщина идет!
О, как легка ее походка!
Ее встречает пароход
И провожает порт Находка.

Шаги неслышимы, легки.
Косу ласкает свежий ветер.
Взглянула вдаль из-под руки,
И хмурый день стал чист и светел.

Гляжу восторженно вослед...
С причала трапы убирают...
А через много, много лет
Я эту женщину узнаю...

Купе СВ. Над полем ночь.
Вдруг стук — и открылись двери,
Гляжу, и сам себе не верю:
Она... Нет, оказалось, дочь.

Такой же чистый, светлый взгляд,
Движенья плавны, величавы...
И я вернулся вновь назад,
К тому далекому причалу.

И промелькнула жизнь, как год.
Вновь предо мною порт Находка.
Там снова женщина идет
Своею легкою походкой.

* * *

Склонился над водою старый берест.
Лугами стелится предутренний туман.
Весна. И косяки идут на нерест
В Днепровско-Бужский голубой лиман.
А после уж мальки идут обратно...
Водовороту жизни нет конца.
И мальчик плачет над могилою отца —
Отец ушел навеки — безвозвратно...
Все таинство природы в повторенье:
Проклюнул скорлупу яйца птенец...
Охвачен мир извечным обновленьем:
Рожденье...

Смерть...

Мальчишечка...

Отец...

НОЧЬ

Мчит по небу месяц белогривый,
За собою в дальний путь маня.
То за тучей скроется игриво,
То опять свою распустит гриву
В зыбком свете звездного огня.
Дышит степь весеннею прохладой,
Тонет в Южном Буге Звездный Ковш.
Расшивает ночь крестом и гладью
Небосвод, что на шелка похож.

* * *

Над Бугом вновь лесная глухомань
Укрыла плечи пожелтевшим пледом.
Я знаю,— между осенью и летом
Есть четко обозначенная грань.

Пусть эта грань давно уже не лето,
И лес окутан голубым туманом,
Шелка дождей черны и беспросветны,
Но говорить, что это осень — рано.

Любимая, вот так и мы с тобою
Стоим на грани зыбкой и туманной...
Пусть между нами нет еще обмана,
Но то, что есть, ты не зови любовью...

* * *

Памяти А. И. Тессы

Печально падала звезда,
Светилась нитью тонкой.
Рыдали тихо провода,
Или казалось только?

Над снежным холмиком стоял
Один на целом свете.
Кусты рябины оголял
Холодный, мокрый ветер.

Виски белила седина,
Как иней зимний тонкий.
Небес кричала глубина,
Или казалось только?

* * *

Здесь учился любить я,
Научился страдать...
Ты прости все обиды,
Моя добрая мать.
Повстречай утром снежным,
Иль средь ясного дня
Обними снова нежно.
Ты, как в детстве, меня...
Я приехал, вернулся —
С женой, не один.
Дорогая, не хмурься
Из-под белых седи.
Завари лучше чаю,
Как жила, расскажи.
Ты молчишь, лишь печально
Клен над Ворсклой дрожит.
Опустел дом старинный,
И тебя больше нет.
Принял я за седины
Зыбкий месяца свет.
То, что принял за руки,—
Ветви мерзлых осин.
«Слишком долго в разлуке
Ты со мною был сын»,—
Шепчет ива мне старая
Голосом мамы...

* * *

Мне очень часто снятся родники
У Белого Холма над синей Ворсклой,
А я в кувшин из бересты и воска
Струю ловлю движением руки.

У ног струится звездная вода,
Прохладой веет из глубин истока,
И тот родник глядит через года —
В мои глаза своим лазурным оком.

ОБ АВТОРЕ

Григорий Николаевич Бычков родился 4 июля 1949 года в селе Зачепиловка Полтавской области. Закончил Одесский техникум нефтяной и газовой промышленности и Николаевский кораблестроительный институт. Работал в Заполярье, на нефтепромыслах Тюменской области, сейчас — главный инженер Николаевского областного управления Госкомнефтепродукта Украины.

Печатался в периодике, коллективном сборнике «От заводского причала». «На земле побеждает любовь» — первая книга поэта.

СОДЕРЖАНИЕ

Притяжение	3
Лесной мемориал	4
«Натянут лук...»	5
Ястребенок	6
«Взметнула стройка...»	7
«Как журавлинно кричали ветры...»	8
Матери	9
«Тебя, порой, не спрашивая, жизнь...»	10
«Когда я думаю о Родине своей...»	11
На Кинбурнской косе	12
«Пшеничный дозревает колос...»	13
«Где же вы, мои друзья...»	14
«Погоны, звезды, гимнастерка...»	15
«Кустов, дремавших тихо у плетня...»	16
«На земле побеждает любовь...»	17
«Раскат за раскатом...»	18
«Звенит ноябрь...»	19
На древлянском дворе	20
Зов гнезда	21
Сейнер	22
Весна	23
Зоревые поляны	24
Сон	25
«Пропахло старое село...»	26
«Повисли дождевые капли...»	27
Поле любви	28
«Где-то за полустанком...»	29
«Сентябрь рябиною горит...»	30
На прополку	31
«Слушаю дыхание земли...»	32
«Было все — скажу вам не тая...»	33
«Я снова возвращался в край лесной...»	34
Ожидание	35
«Мне цыганка гадала...»	36

Пропавшее село	37
«На Алехинской Белой Горе...»	38
«Мне снится сон...»	40
«Мы с тобою шагали не раз...»	41
«На ветвях сосен иней хрупкий...»	42
«Не состоялось...»	43
«Дней и ночей моих...»	44
Встреча	45
«Склонился над водою старый берест...»	46
Ночь	47
«Над Бугом вновь лесная глухомань...»	48
«Печально падала звезда...»	49
«Здесь учился любить я...»	50
«Мне очень часто снятся родники...»	51
Об авторе	52

Літературно-художнє видання

БИЧКОВ Григорій Миколайович

НА ЗЕМЛІ ПЕРЕМАГАЄ ЛЮБОВ

Вірші

Російською мовою

Редактор

Т. В. Мельникова

Художній редактор

О. М. Карпушкін

Технічний редактор

Р. М. Кучинська

Коректор

Л. І. Нарушевич

Здано до складання 10.09.92. Підписано до друку 06.11.92. Формат 70×90^{1/32}. Папір друкарський № 2. Гарнітура «Балтика». Друк високий. Ум. друк. арк. 2,05. Ум. фарбовідб. 2,38. Обл.-вид. арк. 1,26. Зам. № 4073.

Видавництво «Маяк»,
270001, Одеса-1, вул. Жуковського, 14

Одеська книжкова фабрика
270008, Одеса-8, вул. Дзержинського, 24.

Бичков Г. М.

На землі перемагає любов: Вірші.—
Б67 Одеса: Маяк — Асоціація «Бригантина»,
1992.— 56 с.

ISBN 5-7760-0483-7

Есть в мире притяжение сердец:
Любовь — мерило силы притяженья!
К степной поляни тянется чебрец,
Душа — к душе, мгновение — к мгновенью —

у цих рядках закладено творчий діапазон першої
збірки поета, який оспівує рідний край, любов до
матері, коханої, відображає доленосні прикмети
нашого часу.

Б 4702010202-037 БЗ 33.30.92.
217-92

ББК 84Р7

